

© 2020 г.

Д.С. ТИСОВА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ДОМИНИРОВАНИЯ ЛИНГВА ФРАНКА (на примере Махачкалы)

ТИСОВА Диана Станиславовна – магистр лингвистики, стажер лаборатории языковой конвергенции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия (ditisova@yandex.ru).

Аннотация. В Дагестане проживают носители более 40 языков. Многие дагестанцы являются даже не билингвами, а полилингвами. Однако в городах, в отличие от моноэтнических сел, роль и сфера применения этнических языков сокращается до минимума, уступая место языку межнационального общения (лингва франка) – русскому. Этому способствует в том числе и рост среди городских жителей числа смешанных семей, где супруги – носители разных языков и культур. В подобной ситуации остро встает проблема сохранения этнических языков в городской среде. В ходе исследования, проведенного автором в Махачкале, были выявлены языковые репертуары и установки относительно передачи этнического языка детям, свойственные представителям разных поколений жителей дагестанской столицы, членам моноэтнических и смешанных семей.

Ключевые слова: этнические языки • эритажные языки • лингва франка • Республика Дагестан • семейная языковая политика

DOI: 10.31857/S013216250009649-6

Постановка исследовательской проблемы. На территории Республики Дагестан (РД) бок о бок сосуществуют носители более сорока этнических языков¹ [Chirikba, 2008; van der Berg, 2005; Catford, 1977], однако для успешного взаимодействия знания всех сорока дагестанцам, разумеется, никогда не требовалось, поскольку села в этом регионе издревле были (и до определенной степени остаются) моноэтническими и соседствовали с

Статья подготовлена на основе исследования, проведенного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и с использованием средств субсидии по государственной поддержке ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Автор выражает благодарность своему научному руководителю Н.Р. Добрушиной за всестороннюю поддержку в ходе исследования, М.А. Даниэлю и Т.А. Майсаку за помощь в подготовке анкеты, Б. Мусаевой, З. Халиловой, Р. Каримовой, И.Р. и А.Р. Гамидовым, А.К. Абдуллаеву за помощь при сборе данных, а также всем информантам, любезно согласившимся принять участие в исследовании.

¹Под этническим языком в настоящей статье мы вслед за [Беликов, Крысин, 2001: 12; Вахтин, Головкин, 2004: 41, 121] будем понимать язык этнической группы, к которой человек принадлежит и с которой себя идентифицирует (иногда в том же значении используется термин *национальный язык* [Шахбанова, 2011]). Этот же термин мы будем использовать и в отношении *эритажного* (или *унаследованного*) языка – языка семейного общения, отличного от основного на данной территории и усваивающегося в отрыве от естественной среды его употребления [Polinsky, Kagan, 2007; Выренкова и др., 2014].

одним-двумя селами, где проживали представители иных этнических групп. В подобной ситуации владения родным и парой «соседних» языков оказывалось обычно достаточно для целей повседневного общения. Вплоть до 1960-х гг. такой вариант многоязычия был в республике основным [Chirikba, 2008; Добрушина, 2008; Волкова, 1967]: о своих бабушках, дедушках, прабабушках и прадедушках, не знавших русского, но говоривших на нескольких местных языках, рассказывали многие наши информанты.

Впрочем, наряду с описанной выше в Дагестане существовала и иная модель межэтнического общения: с представителями других этнических групп разговаривали на языке, который не был родным ни для одной из сторон. Так, в зоне аваро-андо-цезских языков в качестве лингва франка² использовался аварский [Добрушина, Закирова, 2019], в равнинных районах северного и среднего Дагестана – кумыкский [Johanson, 2006], а в некоторых южных частях региона – азербайджанский. Именно эта модель стала основной и в городах современной РД – полиэтничных пространствах, где за день можно повстречаться с носителями десятков этнических языков и где еще с советских времен начал распространяться один общий для всех этнических групп лингва франка – русский язык [Даниэль, Добрушина, 2013; Catford, 1977; Волкова, 1967]. Дополнительным фактором, способствующим его распространению в республике, стал рост числа смешанных семей, как правило, среди городских жителей.

Усиление позиций русского поставило под вопрос будущее этнических языков в Дагестане. Проблема их постепенной утраты, в первую очередь в городах, сейчас активно обсуждается и на бытовом уровне, и в СМИ³, и в рамках политических⁴ и научных дискуссий (см., например: [Магомедханов, 2009; Шахбанова, 2011]). В этой непростой ситуации нам стало интересно изучить особенности языкового поведения и языковые установки носителей этнических языков в многоязычной среде, где доминирует лингва франка. Желая проследить тенденции сохранения или утраты этнических языков каждым следующим поколением городского населения, мы провели в январе 2018 г. серию бесед с жителями Махачкалы – столицы Дагестана, куда стекаются носители почти всех языков этой уникальной в своем многообразии республики⁵. В отличие от других схожих по тематике исследований [Шахбанова, 2011] основным объектом нашего стала семья, поскольку именно там в конечном счете решается судьба языка.

Эмпирическую базу исследования составили данные 43 устных полуструктурированных интервью, проведенных с носителями и потомками носителей этнических языков Дагестана и некоторых других регионов Кавказа – аварского, даргинского и лакского в их литературных и диалектных вариантах, кумыкского, лезгинского, цахурского, арчинского, цезского, карачаевского и чеченского. Отбирая информантов, мы старались включить в выборку представителей разных этнических групп, но не стремились покрыть все этническое разнообразие жителей дагестанской столицы, полагая, что языковые репертуары и установки не будут принципиально различаться у представителей разных групп. Также при отборе учитывались тип семьи информанта (смешанная (12 чел.) или моноэтническая (31 чел.)), место рождения (город или село) и возраст – параметры, характеризующие специфику языковой среды человека и обуславливающие его языковое поведение. В отношении последнего нас интересовали две возрастные группы: 15–22 года (молодежь

² Лингва франка – язык или диалект, систематически используемый для коммуникации между людьми, этническими языками которых являются другие языки. – Прим. ред.

³ Бабушкин А. Дагестан: не допустить исчезновения языков коренных малочисленных народов // Блог Андрея Бабушкина. 2016. 16 июня. URL: <https://an-babushkin.livejournal.com/461642.html> (дата обращения: 21.10.2019).

⁴ О спасении языков Дагестана: правильно ли власти расставили акценты в вопросе сохранения родной речи // Федеральная лезгинская национально-культурная автономия. URL: http://flnka.ru/glav_lenta/17228-o-spasenii-yazykov-dagestana.html (дата обращения: 12.04.2019).

⁵ См.: Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf.html (дата обращения: 03.04.2019).

со сформировавшейся позицией по вопросу употребления языков в семье, но не имеющая собственных детей, – 18 чел.) и 30–45 лет (взрослые люди, имеющие и детей, и пока еще живых родителей, – 24 чел.). Во избежание дублирования данных мы не опрашивали детей и родителей из одной и той же семьи.

Отбор информантов велся методом «снежного кома» среди сотрудников медицинского колледжа, автозаправочной станции, отделения банка, студентов юридического колледжа, а также случайных знакомых автора, что позволило получить срез мнений людей с разным уровнем образования⁶. Беседы проводились на русском языке. Трудностей с пониманием вопросов не возникло, поскольку все наши собеседники более или менее свободно им владели⁷. Длительность интервью составляла от десяти до пятидесяти минут.

Личные мотивы употребления и сферы использования этнического языка. Не раз в ходе бесед звучала идея об уникальности и высокой ценности этнического языка. По словам многих информантов, они чувствуют свою ответственность за его сохранение и осознают, что язык – основная отличительная черта их этнической группы, поэтому для сохранения своей самобытности его нужно знать и использовать: «Если я забуду свой язык, как я буду учить, например, своих детей?.. Чтобы нация продолжалась... лучше разговаривать на своем языке» (Д.⁸, жен., 15 л.). Язык является для них одним из столпов этнической идентичности и групповой солидарности: «Мне вот наш [язык] нравится... на котором мои люди разговаривают... С другого, например, района говорят – мне уже не так нравится, он мне не такой со звучный... Я его и сейчас слышу: "О, это наши люди!", в маршрутке там или где-то» (М., жен., 39 л.).

В то же время, несмотря на трепетное отношение к своему этническому языку со стороны многих наших собеседников, практически все из них признавались, что в большинстве сфер коммуникации его постепенно вытесняет русский: «Сейчас русский считаю [основным для себя], конечно, потому что я... кушаю, живу – все это на русском» (Н., жен., 32 г.). Аналогичные процессы наблюдаются в постколониальных странах, где владение языком бывшей метрополии приобретает ценность, становясь пропуском к высокооплачиваемому труду и, соответственно, лучшей жизни [Jourdan, 2008]. В условиях повсеместного распространения и усиления позиций лингва франка за этническими языками для владеющих ими закрепляется преимущественно инструментальная (прагматическая) роль – как средства общения и передачи информации [Dorneyi's, Csizer, 2005; Jourdan, 2008]. Другая возможная тенденция – утрата языка в случае отсутствия какой-либо необходимости общаться на нем.

В нашем случае, согласно данным интервью, степень владения этническим языком и, соответственно, разнообразие сфер его использования в значительной мере обусловлены тем, к какому поколению городских жителей принадлежит человек. Мы выделили три поколения махачкалинцев. К первому были отнесены люди, в зрелом возрасте переехавшие из села в Махачкалу для постоянного проживания; ко второму – уроженцы Махачкалы, родители которых переехали из села в столицу республики для постоянного проживания; к третьему – дети уроженцев Махачкалы, чьи бабушки и дедушки переселились из села в город. Как и следовало ожидать, чем ближе к моменту проведения исследования произошло переселение, тем меньше был утрачен этнический язык. Лучше всего им владеют представители первого поколения, все без исключения (14 чел.) свободно на нем разговаривают. Представители второго поколения, по их собственному признанию, не очень уверенно владеют этническим языком, который для них, как и для

⁶ Так, преподаватели колледжа имеют научную степень, а работники автозаправочной станции – лишь полное общее или среднеспециальное образование.

⁷ Полагаем, ограничение круга информантов только знающими русский язык жителями дагестанской столицы не привело к искажению данных. В Махачкале русским не владеют лишь пожилые переселенцы из горных сел, в том числе родители или бабушки и дедушки некоторых из наших собеседников. К тому же, как уже говорилось, в каждой семье опрашивался только один ее представитель.

⁸ В целях сохранения анонимности указывается только первая буква имени информанта.

третьего поколения, является эритажным (унаследованным), тем не менее большинство из них способны более или менее свободно на нем общаться (17 из 21 чел.). Среди представителей третьего поколения (8 чел.) встречаются разные случаи. Те, кто рос в семье, где говорили в основном или только на этническом языке, или провел детство с выросшими в селе бабушками, владеют им свободно (3 чел.). Те же, кто воспитывался в русскоязычной среде, практически не владеют им и, соответственно, не используют его для общения (5 чел.). Малое число наблюдений не позволяет сделать однозначных выводов, однако можно предположить, что весьма вероятный тренд для третьего поколения – утрата этнического языка.

Этнический язык как средство общения с родственниками и земляками. Для первого поколения общение с родственниками на этническом языке является ежедневной нормой – они разговаривают по телефону с родителями или общаются онлайн с братьями и сестрами. Реже, но тоже регулярно, они используют этнический язык при общении с родственниками, также проживающими в Махачкале, и с односельчанами при посещении родного села. Еще одной ситуацией употребления этнического языка оказывается для них общение со случайными знакомыми в общественном месте при условии, что их собеседник может, готов и хочет на этом языке говорить.

Представители второго и третьего поколений тоже используют этнический язык для общения с родственниками, но только если в достаточной степени владеют им. За пределами круга родственников и односельчан – на работе, с друзьями, в общественных местах – все три поколения общаются почти исключительно на русском.

Этнический язык как средство передачи секретной информации. Данная языковая практика характерна для представителей второго поколения. Они прибегают к ней, когда возникает необходимость поделиться информацией, которую хотелось бы скрыть от окружающих, в том числе и от собственных детей, т.е. посекретничать. Как признались некоторые из наших информантов, хотя они в целом редко общаются на этническом языке, в подобной ситуации чувствуют явное преимущество перед окружающими. Аналогичное языковое поведение наблюдается, например, среди носителей креольского португальского в Малайзии: этнический язык используется, кроме всего прочего, и как «внутригрупповой маркер» для исключения чужих из разговора [Pillai et al., 2014: 80].

Этнический язык как средство онлайн-общения. Большинство из наших информантов подтвердили, что умеют (или как минимум пытаются) писать сообщения в социальных сетях, мессенджерах и по телефону на этническом языке. Некоторые из них состоят в группах или подписаны на профиль родных сел в социальных сетях. Эти группы различаются по принятой в них языковой политике – установленным для пользователей нормам и правилам относительно употребления этнического языка [Spolsky, 2004]. В одних она довольно строгая: «Например, у нас есть группа молодежи Никар, свой села. ...бывает, в группе начинает кто-то там говорить на русском... И [в] этот момент обязательно замечание сделают в группе» (М., муж., 41 г.). При более мягкой языковой политике участники группы толерантны к неграмотной речи: «У нас есть страничка в Инстаграме... “Арчиб” называется. Если там на арчинском напишут, ну, я читаю, мой муж читает, хоть там ошибки есть» (Н., жен., 32 г.). Мягкая языковая политика предполагает также терпимое отношение к переключению языков: «У нас свои группы, вот, с работниками есть, с однокурсниками... Там кто на арабском хочет [писать] – [пишет] на арабском, кто на аварском, кто на русском. Это уже от человека зависит» (М., муж., 19 л.).

Цели употребления этнического языка в ситуации онлайн-общения могут быть разными, порой несколько неожиданными. Некоторые информанты независимо друг от друга признались, что прибегают к этническому языку ради шутки: «Часто с девушками переписываюсь на своем... удобно, интересно, смешно» (М., жен., 32 г.); «[Пишу] двоюродным сестрам. Какие-то бывают выражения, которые, вот, на аварском смешно, например, звучат... Только в шутку» (З., жен., 42 г.).

Языковая политика в семье. Если мотивация изучать лингва франка как второй язык во многом зависит от широкого социального окружения, то основными агентами, обеспечивающим изучение или поддержание этнического языка, служат первичные группы, в первую очередь семья [Pillai et al., 2014; Catala, 2015]. Не последнюю роль в этом процессе играет языковая политика семьи, определяющая действующие в ней нормы и правила, связанные с языком [Spolsky, 2004]. Наличие неформальных внутрисемейных санкций, во-первых, стимулирует постоянно практиковать язык и дисциплинирует в его употреблении, во-вторых, поднимает в глазах ребенка, выросшего в русскоязычной среде, статус этнического языка.

Представители первого поколения чувствуют свою ответственность за сохранение этнического языка и дома стараются общаться исключительно на нем: *«У нас такие правила, что при бабушке, при взрослых родственниках нельзя на русском говорить»* (Ч., жен., 19 л.). При этом гарантом семейной языковой политики обычно выступает мужчина, глава семьи: *«...хозяин, отец... требует, чтобы в семье я с детьми и с ним общалась только на своем языке»* (М., жен., 32 г.). Наличие правил обуславливает и наличие санкций. Наши собеседники не говорили о них открыто, однако по используемой лексике можно косвенно судить об их характере. Так, соблюдение языковой политики в семье может контролироваться весьма строго: *«Я иногда [читаю: всегда. – Прим. Д.Т.] ругаю моих детей: почему разговаривают по-русски, потому что свой язык забывают»* (А., муж., 45 л.). В других семьях практикуется модель морально-проповеднического убеждения, делающая упор на оценочные высказывания и мягкую критику: *«У нас просто дома не бывает такого, чтобы с детьми на русском общаться. С детства с ними говорят на аварском... Просто это как бы некрасиво»* (Ч., жен., 19 л.). Третью модель языковой политики мы условно назвали воспитательно-корректирующей: человек, устанавливающий правила употребления языка, не критикует, но исправляет членов семьи, когда они переключаются на другой язык. *«Я даже не замечаю, честно говоря, [как перехожу на русский,] пока он [муж] меня не исправит»* (Р., жен., 45 л.). В некоторых семьях наблюдается смешение или пересечение выделенных моделей, например первой и второй: *«Не то что осуждать, просто... [разговаривать по-русски] неприлично как-то. Моя мама считает, что я отрекаюсь от своего родного языка, и она мне запрещает... Она ругается, если я... разговариваю на русском»* (П., жен., 16 л.).

В семьях второго поколения встречаются две противоположные модели языковой политики. По словам одних информантов, дома они общаются преимущественно на этническом языке с редкими исключениями. Другие, наоборот, разговаривают с членами семьи в основном на русском и переключаются на этнический язык, только когда хотят обсудить нечто секретное, не предназначенное для детей: *«Вещи, которые мы хотим от нее [дочери] скрыть, ... мы говорили на кумыкском языке»* (Д., жен., 44 г.).

Информанты из числа третьего поколения пока не имеют собственных семей, поэтому им вопросы о реально практикуемой модели языковой политики не задавались.

Установки относительно передачи этнического языка детям. Согласно данным интервью, никто из наших собеседников не был категорически против изучения этнического языка его ребенком (детьми). Тем не менее разница в позициях по этому вопросу между представителями первого, второго и третьего поколений все же существует, как и разница в позициях членов моноэтнических и смешанных семей.

Моноэтнические семьи. Первое поколение относится к идее передачи этнического языка своим детям предельно положительно. На провокационный вопрос: как отнесется родитель, если ребенок в осознанном возрасте откажется разговаривать на этническом языке, мы получили четкие однозначные ответы: *«В смысле? Как можно не захотеть?.. Нет, так не бывает»* (М., муж., 18 л.); *«Такого не будет, такого не может быть, чтобы дети не захотели. Это же родной язык, свой. Каждый обязан знать его»* (А., муж., 17 л.).

Иной точки зрения придерживается второе поколение. Будучи сами носителями унаследованного языка, но при этом уроженцами и жителями Махачкалы, они не являются ни

ярыми сторонниками, ни противниками передачи этнического языка детям: «Для меня нет такого, что я переживаю, что они [дети] не знают лезгинский язык... Я сама хотела этого [знать лезгинский]. Но я не вижу в этом [в том, что дети не знают лезгинского] такой трагедии» (Э., жен., 30 л., мать двоих детей). Более того, в семьях, где уровень владения этническим языком у мужа и жены разный, как правило, различаются и их установки по поводу обучения детей языку.

Говоря о реально практикуемом в их семьях языковом поведении, информанты из числа третьего поколения признавались, что их знающие этнические языки родители и дома, и за его пределами общаются в основном по-русски, в итоге не передавая язык детям. В то же время декларируемое желание обучать своих детей этническому языку у этого поколения проявляется гораздо сильнее, чем у второго. Однако, хотя возможности сравнить эти намерения с реальной передачей языка у нас, естественно, на данный момент нет, учитывая в целом слабое владения языком представителями третьего поколения, есть все основания сомневаться в их [этих намерений] осуществимости.

Этнически смешанные семьи. Их модели языкового поведения дома и установки на передачу этнических языков детям отличаются от тех, которые мы наблюдали в моноэтнических семьях. Наиболее часто встречающаяся ситуация – общение в семье ведется на русском языке, общем для обоих супругов. Соответственно, ни одного этнического языка их дети не усваивают: «Я сама по нации цахурка... Муж у меня лезгин... Нам удобно как бы на русском разговаривать. Поэтому мои дети, например, не говорят ни на цахурском, ни на лезгинском» (Р., жен., 31 г.).

Другая модель, типичная для смешанных семей, – один из супругов выучивает язык второго супруга и общение в семье ведется на этом общем для них этническом языке. Например, у Д. (жен., 19 л.) отец – аварец, мать – наполовину кумычка, наполовину аварка, при этом все в семье общаются на кумыкском. Другая наша собеседница, Р. (жен., 31 г.), рассказывала про жену своего брата, кабардинку, которая, выйдя замуж, выучила цахурский язык.

Третья возможная модель – супруги осваивают этнические языки друг друга и общение ведется сразу на двух. По словам Х. (жен., 45 л., аварка), она, выйдя замуж за цеза, выучила цезский. Ее муж учил аварский в школе. В итоге, в семье они общаются и на аварском, и на цезском, а их дети триязычны: «Аварский знают, цунтинский [цезский] знают, русский знают» (Х., жен., 45 л.). Другой наш собеседник, аварец-тляратинец, недавно женившийся на аварке – носительнице чародинского диалекта аварского языка, знает чародинский, но с женой старается общаться на тляратинском: «Да [понимаю язык жены]. Она наш не особо понимает... Я своему языку учу ее» (М., муж., 20 л.). Детей у молодой семьи пока нет, но М. планирует разговаривать с ними на обоих диалектах аварского.

Заключение. Исследование показало, что в городе наблюдается тенденция к сокращению значимости этнических языков. Махачкалинцы чувствуют ограниченность сферы их применимости и стремятся преимущественно использовать русский, открывающий более широкие перспективы как в бытовом общении, так и в учебе и карьере. Если уроженцы сел, переехавшие в республиканскую столицу в сознательном возрасте, стараются поддерживать этнический язык, устанавливая в семье правила и ограничения, касающиеся языкового поведения, то уроженцы Махачкалы уже не видят в нем большой необходимости. При этом утрата этнического языка быстрее происходит в смешанных семьях, чем в моноэтнических.

В то время как полиэтническая городская среда негативно сказывается на поддержке и передаче следующим поколениям этнических языков, этнически однородные села продолжают оставаться центрами их сохранения в Дагестане. Лишь немногие уроженцы Махачкалы (второе и третье поколение), хорошо знающие этнический язык, рассказывали, что узнали его полностью в городе. Как правило, их детьми отправляли на лето в село к бабушке, или, наоборот, бабушка какое-то время жила в городе и, общаясь с внуками на этническом языке, способствовала его освоению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2004.
- Волкова Н.Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе // Советская этнография. 1967. № 1. С. 27–40.
- Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эри-тажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 3–19.
- Даниэль М.А., Добрушина Н.Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог 2013». М.: РГГУ, 2013. Т. 12. С. 186–211.
- Добрушина Н.Р. Язык и этничность малого народа: быть или не быть // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 77–83.
- Добрушина Н.Р., Закирова А.Н. Аварский язык как лингва франка: исследование в каратинской зоне // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 1(23). С. 44–55.
- Магомедханов М.М., Ибрагимов М.-П.А. Языковое и этнокультурное многообразие народов: специфика Дагестана // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 45–50.
- Шахбанова М.М. Этноязыковые процессы в Дагестане // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 71–77.
- Catala A.B. The Cultural Component in the L1 Teaching – Cultural Heritage, Identity and Motivation // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. No. 178. P. 20–25.
- Catford J.C. Mountain of Tongues: the Languages of the Caucasus // Annual Review of Anthropology. 1977. No. 6. P. 283–314.
- Chirikba V.A. The Problem of the Caucasian Sprachbund // Muysken P. (ed.) Studies from Linguistic Areas to Areal Linguistics. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 25–93. DOI: 10.1075/slcs.90.02chi.
- Dornyei's Z., Csizer K. The Internal Structure of Language Learning Motivation and its Relationship with Language Choice and Learning Effort // The Modern Language Journal. 2005. No. 1. P. 19–36.
- Johanson L. On the Roles of Turkic in the Caucasus Area // McMahon A., Matras Y., Vincent N. (eds) Linguistic Areas. London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 160–181.
- Jourdan C. Language Repertoires and the Middle Class in Urban Solomon Islands // Meyerhoff M., Nagy N. (eds) Social Lives in Language – Sociolinguistics and Multilingual Speech Communities. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 43–67. DOI: 10.1075/impact.24.07jou.
- Pillai S., Soh W.-Y., Kajita A.S. Family Language Policy and Heritage Language Maintenance of Malacca Portuguese Creole // Language & Communication. 2014. No. 37. P. 75–85.
- Polinsky M., Kağan O. Heritage Languages: in the 'Wild' and in the Classroom // Language and Linguistics Compass. 2007. Vol. 1. No. 5. P. 368–395.
- Spolsky B. Language Policy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.
- van der Berg H. The East Caucasian Language Family // Lingua. 2005. No. 115. P. 147–190.

Статья поступила: 20.08.18. Финальная версия: 16.03.20. Принята к публикации: 29.03.20.

ETHNIC LANGUAGE USES UNDER CONDITIONS OF LINGUA FRANCA DOMINATION (the Case of Makhachkala)

TISOVA D.S.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Diana S. TISOVA, Master Sci. (Linguist.), Research Assistant, Linguistic Convergence Laboratory, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (ditisova@yandex.ru).

Abstract. Daghestan is a multicultural republic of Russia with more than 40 languages coexisting on its territory many Daghestanians being multilingual. However, in urban areas minority languages are almost redundant as Russian has become the Lingua Franca. Furthermore, share of ethnically mixed families has been growing. Therefore, there emerges a problem of minority languages preservation and maintenance. In order to understand attitudes towards ethnic language maintenance the author conducted a study in Makhachkala – republican capital finding, as a result, considerable variations among three groups which the author calls generations of urban citizens. This paper reveals differences in their

individual motivation to maintain ethnic languages and their attitudes towards language transmission to children. The first generation imposes language practices, which restricts Russian language use at home, while the second and the third ones take it less strictly. Ethnically mixed families turn out to be unique. Siblings can feature one to three languages (including Russian) depending on how well their parents know ethnic languages.

Keywords: ethnic language, heritage language, lingua franca, the Republic of Daghestan, family language policy.

REFERENCES

- Belikov V.I., Krysin L.P. (2001) *Sociolinguistics*. Moscow: RGGU. (In Russ.)
- Catala A.B. (2015) The Cultural Component in the L1 Teaching – Cultural Heritage, Identity and Motivation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. No. 178: 20–25.
- Catford J.C. (1977) Mountain of Tongues: the Languages of the Caucasus. *Annual Review of Anthropology*. No. 6: 283–314.
- Chirikba V.A. (2008) The Problem of the Caucasian Sprachbund. In: Muysken P. (ed.) *Studies from Linguistic Areas to Areal Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company: 25–93. DOI: 10.1075/slcs.90.02chi.
- Daniel M.A., Dobrushina N.R. (2013) *Russian in Daghestan: Issues of Language Interference*. In: *Computer Linguistics and Intellectual Technologies*. Adapted from International Conference "Dialogue 2013". Moscow: RGGU. Vol. 12: 186–211. (In Russ.)
- Dobrushina N.R. (2008) Language and Ethnicity of an Adoriginal Group: to Be or Not to Be. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11. P. 77–83. (In Russ.)
- Dobrushina N.R., Zakirova A.N. (2019) Avar as a Lingua Franca: a Study in and around Karata. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. No. 1(23): 44–55. (In Russ.)
- Dornyei's Z., Csizer K. (2005) The Internal Structure of Language Learning Motivation and its Relationship with Language Choice and Learning Effort. *The Modern Language Journal*. No. 1: 19–36.
- Johanson L. (2006) On the Roles of Turkic in the Caucasus Area. In: McMahon A., Matras Y., Vincent N. (eds) *Linguistic Areas*. London: Palgrave Macmillan: 160–181.
- Jourdan C. (2008) Language Repertoires and the Middle Class in Urban Solomon Islands. In: Meyerhoff M., Nagy N. (eds) *Social Lives in Language – Sociolinguistics and Multilingual Speech Communities*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company: 43–67. DOI: 10.1075/impact.24.07jou.
- Magometkhanov M.M., Ibragimov M.-R.A. (2009) Language and Ethnic Cultural Multiplicity of Specific Daghestan Peoples. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 45–50. (In Russ.)
- Pillai S., Soh W.-Y., Kajita A.S. (2014) Family Language Policy and Heritage Language Maintenance of Malacca Portuguese Creole. *Language & Communication*. No. 37: 75–85.
- Polinsky M., Kagan O. (2007) Heritage Languages: in the 'Wild' and in the Classroom. *Language and Linguistics Compass*. Vol. 1. No. 5: 368–395.
- Shakhbanova M.M. (2011) Ethnic Languages Issues in Daghestan. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 71–77. (In Russ.)
- Spolsky B. (2004) *Language Policy*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Vakhtin N.B., Golovko E.V. (2004) *Sociolinguistics and the Sociology of Language*. Saint Petersburg: Izdatel'skiy tsentr "Gumanitarnaya akademiya". (In Russ.)
- van der Berg H. (2005) *The East Caucasian Language Family*. Lingua. No. 115: 147–190.
- Volkova N.G. (1967) The Problems of Bilingualism in the North Caucasus. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 1: 27–40. (In Russ.)
- Vyrenkova A.S., Polinsky M.S., Rakhilina E.V. (2014) Grammar of Errors and Construction Grammar: The Case of "Heritage Russian". *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. No. 3: 3–19. (In Russ.)

Received: 20.08.18. Final version: 16.03.20. Accepted: 29.03.20.